

том двусмысленности и поэтому недостижима, иначе она выхолостила бы историю и превратилась в бесконечные повторения»⁷. Это приводит Деррида к сомнению в возможности чистой истории смысла. Идея как полная интенция обнаруживает бытие интенции, саму интенциональность. Гуссерль, в отличие от Канта, не знает различия между интенцией и интуицией, он не может описать содержание пустой интенции, то есть интенции без интуиции. Но разве не является интенцией без интуиции сознание бесконечной задачи или телеологическая достоверность? Также и в отношении Идеи: мы не можем увидеть ее, и поэтому не может быть никакой феноменологии. Феноменология не может «ни остановиться на самой себе, ни сама указать себе на свои собственные пределы».

В заключение несколько слов о работе переводчика М.Маяцкого. Он проделал солидную работу, пересказывая или цитируя отрывки из других работ Гуссерля, на которые ссылается Деррида, работ, которые незнакомы русскому читателю. Однако что-то помешало переводчику проделать такую же работу в отношении того основного корпуса трудов Деррида, в который он нас старательно вводит. Может быть, вся проблема вновь заключается в отсутствии переводов Деррида?

⁷ Там же.

А.Б.Половников ИСТОРИЯ НАУКИ КАК САМОДВИЖЕНИЕ СИСТЕМНЫХ АНСАМБЛЕЙ

Начиная со второй половины XX века наблюдается сближение науки и истории науки. Одним из представителей так называемого плюралистического направления является современный немецкий философ, историк науки К.Хюбнер (р. 1921 г.). В 1994 г. впервые вышел русский перевод его работы «Критика научного разума».

К.Хюбнер показывает, что историческая ситуация определяет, какими должны быть факты и фундаментальные принципы науки. Для прояснения понятия исторической ситуации К.Хюбнер выводит две категории – «историческая система» и «исторический системный ансамбль». Категория «историческая система» применена к структуре любого исторического процесса, а не только к процессам научного развития. С одной стороны, такие процессы неразрывно связаны с естественными законами (биологии, психологии, физики и т.п.), с другой – подчинены правилам, созданным человеком (правилам экономики, государственной жизни, искусства, религии, языка). Такие правила Хюбнер называет историческими системами правил или просто «системами».

Под второй исторической категорией – «историческим системным ансамблем» – Хюбнер понимает «структурированное множество систем, частью наличествующих в данный момент времени, частью наследуемых из прошлого, образующих определенную иерархию в соответствии с многообразными отношениями, в рамках которых общество живет и развивается в каждый данный исторический момент».

Таким образом, историческая ситуация – это такой период исторического времени, в котором доминирует тот или иной системный ансамбль; именно

системный ансамбль оказывается той силой, которая в данный исторический период выполняет эту функцию.

Теории Птолемея, Эйнштейна, Бора и др. сохраняют свою действенность и значимость в рамках определенного системного ансамбля, исторического периода. Развитие науки существенным образом определяется противоречиями внутри системных ансамблей и состоит во внутренних преобразованиях таких ансамблей. Разрешение противоречия есть выбор в пользу какой-то из частей этого ансамбля, за которой следуют попытки приспособить остальные части к одной выбранной. Таким образом, движение науки есть самодвижение системных ансамблей.

На основе анализа системного ансамбля эпохи Возрождения Хюбнер сформулировал ряд общих структурных законов истории:

- 1) каждый исторический период определяется наличествующим в нем системным ансамблем;
- 2) всякий системный ансамбль несет в себе внутренние противоречия и нестабильность;
- 3) изменения системных ансамблей связаны с попытками устранить такие противоречия;
- 4) противоречия разрешаются путем согласования одних частей ансамбля с другими;
- 5) этот процесс не является строго детерминированным;
- 6) детерминация процесса ограничена степенями свободы, вытекающими из однозначности систем;
- 7) любое историческое событие происходит в рамках системного ансамбля, хотя в то же время оно определяется и естественными факторами; невозможно появление в системном ансамбле совершенно чуждого ему элемента, и никакой элемент не может полностью исчезнуть из него.

Эти законы выступают как универсальные априорные принципы, используемые в науке при описании и объяснении исторических процессов.

К.Хюбнер различает две фундаментальные формы, в которых происходит развитие науки: экспликация научных систем и их мутация. Экспликация системы – это формирование и эволюция системы, при которых не изменяются ее основания. Мутация – это то, что происходит с системой, когда меняются сами ее основания (например, когда переходят от одной геометрической теории пространства к другой). Определение научного прогресса возможно только в рамках этих двух форм исторического движения науки; отсюда – две формы научного прогресса: «прогресс-I» и «прогресс-II» – соответствующие экспликации и мутации научных систем.

К.Хюбнер оспаривает монопольное право науки на единственно верный путь к истине и реальности. Возникновение и функционирование науки должно рассматриваться как то, что определяется историческими ситуациями. По Хюбнеру, теория всегда строится на априорных основаниях и оправдывается независимо и помимо эмпирических подтверждений. Это положение он обосновывает на результатах анализа релятивистской космологии, которая имеет своей основой общую теорию относительности.

Критикуя понятие истины в философии Поппера, Хюбнер отмечает, что логика не способна судить о реальности, в то время как метафизический реализм

утверждает «существование вещей в себе», вне сознания. Сам Поппер считает, что абсолютная истина существует как нечто объективное, независимо от того, известна ли она кому-либо. В то же время нельзя говорить о познании абсолютной истины, можно говорить только о приближении к ней.

Говоря об истинности самой исторической теории науки, Хюбнер отмечает, что исторический процесс в качестве объекта научного исследования предстает перед нами как самодвижение системных ансамблей. Историческая теория науки не является ни эмпирически, ни трансцендентально истиной. Скорее можно заключить, что она истина по логическим соображениям.

По мнению Хюбнера, не существует никакой научной исторической правды, не существует и вечной истины. Зато существует та истина и тот исторический опыт, которые создаются с помощью постоянно обновляющейся сети априорных принципов. Каждое поколение вынуждено заново создавать не только свое настоящее, но и свое прошлое. Задача же историка заключается в непрерывном переписывании истории с учетом того, что с течением времени прошлое непрерывно изменяется.

Таким образом, для философского обоснования науки история науки имеет решающее значение. История науки позволяет проследить все стадии развития науки, ведущие к появлению и утверждению научных теорий. Решения, принимаемые теоретиком, всегда объясняются уникальным в историческом контексте, в котором протекает процесс научного исследования.

М.В.Салихов

БЫЛ ЛИ А.А.ЛЮБИЩЕВ ПЛАТОНИКОМ, ИЛИ О ЧЕМ РЕЧЬ В «ЛИНИЯХ»?

Постановка такого вопроса не случайна, ибо бытует мнение, что А.А.Любищев был представителем платонизма. Известно также, что в 1956 году в одном из писем к В.А.Дмитриеву он утверждал, что его основная задача – **возрождение линии Пифагора и Платона**. Подчеркнутое мной рассматривать как программную установку ученого, его философско-методологическое кредо, так как идея «Линий» вынашивалась в течение всей жизни А.А.Любищева: «Первый набросок настоящего сочинения, – писал он в предисловии к “Линиям”, – был составлен мной для себя в 1917 году»¹. Свой интерес к философии и точным наукам, особенно к математике, он подчеркивал постоянно, и даже можно логику его мышления представить в виде последовательного перехода от биологии к философии через математику (биология – математика – философия). Как ученый Любищев был горячим сторонником применения методов математики в биологических исследованиях. По его собственному признанию, книга «Линии» была «задумана как **главное сочинение моей жизни**, резюмирующее все те мысли, которые накопились за несколько десятилетий достаточно напряженной работы»². В какой, как не в этой, работе ученого можно получить ответ на вопрос, был ли А.А.Любищев платоником?

¹ Любищев А.А. Линии Демокрита и Платона в истории культуры. — М., 1997. — С. 20.

² Там же. — С. 17.